

НАСЛЕДИЕ • HERITAGE Научная статья • Article

М. А. Перепелкин

«Счастье – это не пряник»: письма А. А. Смирнова (Треплева)

Аннотация. Герой настоящей статьи – известный волжский литератор, общественный деятель и библиофил рубежа XIX–XX вв. А. А. Смирнов (Треплев) (1864–1943), друг М. Горького и Л. Н. Андреева, Н. Г. Гарина-Михайловского и многих других писателей, артистов и т. д. Последние годы жизни А. А. Смирнова (Треплева) прошли в Куйбышеве-Самаре, куда он эвакуировался из Москвы с началом войны и где скончался в 1943 г. Также статья посвящена истории его архива, обнаруженного сотрудниками Куйбышевского музея М. Горького в первые послевоенные годы и легшего в основу новой экспозиции этого музея. В приложении приводятся сохранившиеся письма А. А. Смирнова (Треплева) из военного Куйбышева к родным – в Москву и Ташкент.

Ключевые слова: А. А. Смирнов (Треплев), Куйбышев, эвакуация, 1942 г., письма, архив, литературное наследие, Самарский литературный музей

Для цитирования: Перепелкин М. А. «Счастье – это не пряник»: письма А. А. Смирнова (Треплева) // Книга. Чтение. Медиасреда. 2025. Т. 3, № 2. С. 177–187. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-2-8>.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025

Получена после доработки 26.05.2025

Принята для публикации 29.05.2025

Перепелкин Михаил Анатольевич

Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького,
ул. Фрунзе, 155, Самара, 443010, Россия,
доктор филологических наук, директор
ORCID: 0000-0002-6102-6947
e-mail: mperepelkin@mail.ru

© М. А. Перепелкин, 2025

M. A. Perepelkin "Happiness is not a Gingerbread": Letters of A. A. Smirnov (Treplev)

Perepelkin Mikhail A.

Samara Literary Museum,
Frunze st., 155, Samara, 443010, Russia,
Doctor of Philological Sciences, Director
ORCID: 0000-0002-6102-6947
e-mail: mperepelkin@mail.ru

Abstract. The hero of this article is A. A. Smirnov (Treplev) (1864–1943), famous Volga writer, public figure and bibliophile of the turn of the 19th and 20th centuries. He was a friend of M. Gorky and L. N. Andreyev, N. G. Garin-Mikhailovsky and many other writers, artists, etc. The last years of A. A. Smirnov (Treplev)'s life were spent in Kuibyshev-Samara, where he evacuated from Moscow at the beginning of the war and passed away in 1943. The article also focuses on the history of the writer's archive, discovered by the staff of the M. Gorky Kuibyshev Museum in the early post-war years, which became the basis for a new exhibition at this museum. An appendix includes preserved letters from A. A. Smirnov (Treplev) written during the war in Kuibyshev to his relatives in Moscow and Tashkent.

Keywords: A. A. Smirnov (Treplev), Kuibyshev, evacuation, 1942, letters, archive, literary heritage

Citation: Perepelkin M. A. "Happiness is not a Gingerbread": Letters of A. A. Smirnov (Treplev) // Book. Reading. Media. 2025. Vol. 3, No. 2. P. 177–187. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-2-8>.

Received 20.05.2025

Revised 26.05.2025

Accepted 29.05.2025

Введение

Александр Александрович Смирнов (псевдоним – Треплев) (1864–1943 гг.) – известный волжский литератор, общественный деятель и библиофил рубежа XIX–XX вв., друг М. Горького и Л. Н. Андреева, Н. Г. Гарина-Михайловского и многих других писателей, артистов и т. д. Родившийся в Коломне в семье купца 2-й гильдии А. А. Смирнов (Треплев) с детских лет жил в Самаре, где окончил гимназию и куда снова вернулся после окончания факультета правоведения Санкт-Петербургского университета, где служил нотариусом и занимался самой разной общественной работой: был гласным городской Думы, возглавлял театральную комиссию, а также Публичный музей с Залом императора Александра II, читал лекции в Народном университете, входил в самые разные кружки и общественные объединения (рис. 1).

С юношеских лет А. А. Смирнов (Треплев) выступал как литератор, публикуя вначале стихи (под псевдонимом Аргунин), а потом критические очерки, которые выходили как на страницах периодических изданий, так и отдельными книгами. Героями литературно-критических опытов А. А. Смирнова (Треплева) в разное время становились А. Фет, А. Чехов, М. Горький,

Рис. 1. Александр Александрович Смирнов (Треплев).

Фото из архива Самарского литературного музея
Fig. 1. Alexander Alexandrovich Smirnov (Treplev).
A photo from the Samara Literary Museum's Archive

Л. Андреев, Н. Гарин-Михайловский, И. Бунин и многие другие (Смирнов, 2006; Перепелкин, 2020, с. 40–44). В течение нескольких десятилетий А. А. Смирнов (Треплев) работал над рукописью «Старый самарский театр и быт», оставшейся неопубликованной при его жизни и увидевшей свет спустя многие годы после его кончины (Смирнов, 2008).

Естественным образом жизнь А. А. Смирнова (Треплева) изменилась после 1917 г.: построенный им в Самаре дом был национализирован, а сам литератор в течение многих лет жил между Москвой и Самарой (Куйбышевом), скитаясь из угла в угол и прячась от все новых обвинений и арестов. В последний раз он приехал из Москвы в Куйбышев осенью 1941 г., в эвакуацию. А. А. Смирнов (Треплев) прожил в родном городе до января 1943 г., в доме, когда-то принадлежавшем его тестю К. К. Позерну, и ушел из жизни в возрасте 78 лет. Ярким свидетельством этого периода жизни А. А. Смирнова (Треплева) являются четыре его письма к родным: первое поступило в коллекцию Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького от близких А. А. Смирнова (Треплева) в 1960-е гг., а три других были переданы нам его правнучкой М. С. Николаевской (Перепелкин, 2014) в 2014 г. и в настоящее время находятся в личной коллекции автора статьи.

Адресатами писем А. А. Смирнова (Треплева) являются его внучки Зинаида Сергеевна Николаевская (в феврале 1942 г. жила в эвакуации в Ташкенте) и Наталья Николаевна Крицкая, а также дочери Мария Александровна Николаевская и Елизавета Александровна Красина (трое последних оставались в 1941–1942 гг. в Москве). Одно письмо написано в Чкалов и адресовано человеку, который мог знать о месте нахождения С. Н. Крицкого, мужа одной из внучек автора письма. Наконец, автором последней публикуемой телеграммы был младший брат А. А. Смирнова (Треплева) Сергей Александрович Смирнов, проживавший в Куйбышеве с ним в одной комнате.

Письма А. А. Смирнова (Треплева), написанные в 1942 г. из Куйбышева, превратившегося осенью 1941 г. в «столицу эвакуации», интересны сразу в нескольких отношениях: и как свидетельство жизни тылового города, живущего интересами страны в целом и ее граждан, принимающих то или иное участие в борьбе с врагом, и как яркий документ несомненности духа русского интеллигента, литератора, библиофила, умеющего в сложный исторический отрезок времени сохранить в себе духовность, жажду знания, умение прийти на помощь близким, поддержать их добрым словом и мудрым советом.

Кончина А. А. Смирнова (Треплева) и его архив

Кончина Смирнова открыла новую страницу в его судьбе, на этот раз связанную с архивом покойного. Надо сказать, что сюжет, относящийся к архиву, начал развиваться немедленно и таил в себе массу неожиданностей.

Восьмого января 1943 г. начальник Управления народного комиссариата юстиции по Куйбышевской области Москвичев обратился к заместителю старшего нотариуса города Свириденко с отношением, в котором предлагалось принять немедленные меры по охране наследственного имущества после смерти А. А. Смирнова и его брата, сотрудника Управления народного комиссариата юстиции С. А. Смирнова (он скончался через несколько дней). Получив это отношение, Свириденко произвела опись имущества, оставшегося после смерти Смирновых, опечатала шкафы с книгами и т. д. Однако ценные архив и библиотека были описаны небрежно. Так, Свириденко не описала библиотеку, настенные предметы – картины, фотографии, иконы; также в опись не попали рукописи и письма, находившиеся в комнате Смирновых, и т. д.

Все это привело к тому, что архив и особенно библиотека А. А. Смирнова (Треплева) были фактически разграблены. За то время, пока имущество Смирновых находилось под присмотром семьи Я. В. Титаренко, на одном из книжных шкафов была сорвана печать и книги продавались в букинистическом отделе куйбышевского Когиза (Книготорговое объединение государственных издательств).

Прямые наследники Смирнова – дочери М. А. Николаевская и Е. А. Красина – все это время жили в Москве, где и оформили доверенность на имя П. А. Жуковой, жены знакомого их отца – Дмитрия Максимовича Жукова. Действуя по доверенности, полученной от дочерей А. А. Смирнова (Треплева), П. А. Жукова на протяжении трех с лишним лет общалась с Титаренко, неоднократно приходила за вещами Смирнова, но большую часть вещей получить ей так и не удалось. Летом 1943 г. П. П. Жукова продала часть полученных ею от Я. В. Титаренко книг А. А. Смирнова (Треплева) и его пишущую машинку и перевела деньги М. А. Николаевской, попросив разрешения потратить часть вырученной суммы на памятник Смирнову на его могиле. Три года спустя Жукова переслала М. А. Николаевской шкатулку с фотографиями (большая часть семейные, но есть и фотографии А. М. Горького) и письмами, которые привезла в Москву Е. Д. Колышкина, племянница М. С. Позерна. Вместе со шкатулкой Е. Д. Колышкина получила от Жуковых «несколько портретов писателей с автографами и пару маленьких картин», бывших некогда в комнате З. К. Смирновой.

Однако о каких именно портретах идет речь – неизвестно, так как, по словам М. А. Николаевской, Е. Д. Колышкина «положила их в сундук, все еще находящийся в Куйбышеве».

Несколько ранее, в феврале 1946 г., П. А. Жукова сообщила М. А. Николаевской о находящихся у нее книгах с автографами разных писателей, в том числе М. Горького. Однако на просьбу М. А. Николаевской уточнить, о каких книгах идет речь, или привезти их в Москву, П. А. Жукова не отреагировала, а пришедшей к ней летом того же года по поручению М. А. Николаевской Е. Д. Колышкиной сказала, что книги и мешок с рукописями заложены картошкой.

В июле 1946 г. начался новый этап борьбы за возрождение архива Смирнова и памяти об этом человеке. Начало связано, в свою очередь, с возрождением в Куйбышеве свернутого на время войны музея Горького и поисками материалов о самарском периоде жизни писателя. Последнее обстоятельство определило как заинтересованность куйбышевцев в архиве А. А. Смирнова (Треплева), так и характер понимания ценности этого архива – более узкий, чем он видится нам сегодня. В центре внимания куйбышевских музейщиков, естественно, находилась фигура М. Горького, ключевая для идеологии эпохи. Все же остальное, включая «внегорьковские» литературные интересы А. А. Смирнова (Треплева) и факты его собственной биографии, воспринималось как фон – возможный, но необязательный. С течением времени это положение несколько изменилось, но все же недостаточно для того, чтобы прояснить многие факты из жизни А. А. Смирнова (Треплева), что теперь сделать практически невозможно. Однако отметим беспрецедентную работу музейщиков, без которой фонд современного литературного музея в Самаре, где материалы из архива Смирнова занимают одно из главных мест, был бы гораздо менее интересным. Ключевой фигурой этого этапа является, кроме дочери Смирнова М. А. Николаевской, научный сотрудник музея А. В. Соболев (1914–1982 гг.).

В июле 1946 г. Я. В. Титаренко по инициативе А. В. Соболева передал в музей ряд документов, находившихся в квартире Смирнова. Среди переданных материалов были рукописи стихотворений А. А. Смирнова (Треплева), диплом об окончании им Санкт-Петербургского университета, фотографии М. Горького (с автографом), редакции «Самарской газеты», М. Горького и Л. Н. Толстого, портрет К. К. Позерна, написанный маслом, и некоторые другие материалы.

Получив от Я. В. Титаренко материалы из архива Смирнова, Соболев немедленно обратился к М. А. Николаевской с вопросом, как ей будет угодно распорядиться названными документами и теми, что еще, возможно, удастся найти. В ответном письме М. А. Николаевская пообещала

посоветоваться с Е. П. Пешковой и вскоре сообщила, что все поступившие в музей материалы она и ее сестра передают в дар музею.

В нескольких последующих письмах А. В. Соболева и ответных письмах к нему Николаевской выяснялась роль Жуковой в посреднических отношениях между Я. В. Титаренко и М. А. Николаевской, судьба отдельных документов и книг из библиотеки А. А. Смирнова (Треплева).

Осенью 1948 г. А. В. Соболев сообщил М. А. Николаевской о предполагающемся написании картины «Горький в семье Позерн». В ответ на это сообщение Николаевская передала музею ряд документов и фотографий, или остававшихся после отъезда Смирнова в Куйбышев в ее квартире, или переданных ей П. А. Жуковой лично и через Колышкину. Из почти полутора десятка документов наибольший интерес представляло письмо с приглашением в гости от Л. Н. Андреева А. А. Смирнову (Треплеву), написанное в марте 1908 г. Ряд документов семейного характера был передан музею безвозмездно, за остальные материалы (телеграмма Пешковых и др.) закупочной комиссией музея было назначено соответствующее вознаграждение.

В конце ноября 1950 г. П. А. Жукова и передала М. А. Николаевской просьбу музея о выкупе у нее последней фотографии редакции «Самарской газеты». В итоге Николаевская согласилась продать несколько рукописей А. А. Смирнова (Треплева) и фотографий, в том числе упомянутой редакции «Самарской газеты», фотоснимка Смирнова с Горьким и Скитальцем, а также – фотографии Е. П. Пешковой с сыном (с автографом).

Таким образом, та часть архива А. А. Смирнова (Треплева), которую удалось обнаружить после его кончины, а также некоторые другие документы, переданные в 1950–1970-е гг. родственниками последнего в музей (Е. П. Пешкова и Самара..., 2008) легли в основу горьковской экспозиции и демонстрируются в Самарском литературно-мемориальном музее им. М. Горького.

Заключение

Письма А. А. Смирнова (Треплева), написанные в Куйбышеве в течение 1942 г., как и история утраты и обретения его архива, – эпизоды, имеющие, казалось бы, косвенное отношение к военной истории страны, непосредственно касаясь только одного человека и нескольких его близких. На деле же именно война и все сопряженные с нею лишения и испытания, с одной стороны, связали воедино судьбы многих людей, так или иначе участвовавших в событиях, о которых рассказывается в письмах и в документах, касающихся архива, с другой стороны – ярко продемонстрировали всю силу духа А. А. Смирнова (Треплева) и других его

современников, представителей старой русской интеллигенции, настоящий патриотизм и глубочайшую внутреннюю культуру, в сохранении которой они видели свою миссию и нравственную задачу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Список источников / References

Е. П. Пешкова и Самара : материалы к истории музея М. Горького (1936–1967) : письма и документы / сост. М. А. Перепелкин. Самара : Самар. ун-т, 2008. 256 с. [Perepelkin MA (comp.) (2008) E. P. Peshkova and Samara: materials for the history of the M. Gorky Museum (1936–1967): letters and documents. Samara: Samar. un-t. (In Russ.)].

Перепелкин М. А. Мария Николаевская: «Я – правнучка «старого самарского театра и быта» // Культура. 2014. № 14. С. 22–23 [Perepelkin MA (2014) Maria Nikolaevskaya: «I am the great-granddaughter of the “old Samara theater and everyday life”». *Kul'tura* 14: 22–23. (In Russ.)].

Перепелкин М. А. Опыт «талантливого читателя». Книги и автографы А. А. Смирнова (Треплева) // Библиотечное дело. 2020. № 8. С. 40–44 [Perepelkin MA

(2020) Experience of a «talented reader». Books and autographs of A. A. Smirnov (Treplev). *Biblioteknoe delo* 8: 40–44. (In Russ.)].

Смирнов (Треплев) А. Старый самарский театр и быт : очерки и материалы по истории театра и быта в провинции. Самара : Самар. ун-т, 2008. 432 с. [Smirnov (Treplev) A (2008). Old Samara theatre and everyday life: essays and materials on the history of theatre and everyday life in the province. Samara: Samar. un-t. (In Russ.)].

Смирнов (Треплев) А. Театр душ : стихи, крит. этюды, воспоминания, письма. Самара : Самар. ун-т, 2006. 512 с. [Smirnov (Treplev) A (2006). Theatre of souls: poems, critical essays, memoirs, letters. Samara: Samar. un-t. (In Russ.)].

Приложение

Письма А. А. Смирнова (Треплева) военного времени

1.

Рис. 2. Открытое письмо А. А. Смирнова
Н. Н. Крицкой.

Из архива Самарского литературного музея
Fig. 2. A. A. Smirnov's open letter to N. N. Kritskoy.
A picture from the Samara Literary Museum's Archive

А. А. Смирнов – Н. Н. Крицкой. Москва, новая Басманная, д. 31, кв. 56. 19 ноября 1941 года. Наташечка, милочка, драгоценная, любимая!

Писульку твою от 4/XI при письме к Серг<ею> Ник<олаевичу> получил уже несколько дней тому назад и письмо переслал в г. Чкалов-обл<астной> (б<ывший> Оренбург), куда С<ергей> Н<иколаевич> выбыл в начале ноября. Будучи здесь, он несколько раз заходил ко мне, был, видимо, здоров, но волновался, что нет долго ответа на его «молнии» (потом получен). Оставил адрес: г. Чкалов-обл<астной>, Димитровский пер<еулок>, д. 22, кв. 2, Т. А. Менкель, для Серг<ея> Ник<олаевича> К<рицко>го. Я писал об этом в М<оскву> уже несколько раз, да видно, письма идут медленно. Думаю вечно о тебе, Мише – целую ваши золотые головки, о мамочке, папе твоём, Тане, о тётё Марусе, Серг<ее> Ив<ановиче>, Зине, о всех любимых – храни вас Высшая Сила! Мы здесь живём неплохо, питаемся недурно, пока всё спокойно, здоровы. Я – в юр<идической> конс<ультации> (адвокат). Город небывало многолюден... Работают театры, кино, конц<ертные> залы. Здесь Б<ольшой> театр.

Обнимаю тебя и всех любимых... Пишите. Ваш дедушка.

2.

Рис. 3. Открытое письмо А. А. Смирнова
Т. А. Менкель.

Из архива Самарского литературного музея
Fig. 3. A. A. Smirnov's open letter to T. A. Menkel.
A picture from the Samara Literary Museum's Archive

А. А. Смирнов – Т. А. Менкель. Чкалов-областной, Димитровский переулок, д. 22, кв. 2. 27 ноября 1941 года. Глубокоуважаемый т. Менкель! Извиняюсь за беспокойство. В начале ноября мой зять Серг<ей> Ник<олаевич> Крицкий выбыл в Чкалов по служебным делам, оставив адрес на Вас и Вашу квартиру – для передачи ему и пересылки писем из Москвы от семьи, не знающей, где он. Я неоднократно пересылал на Ваш адрес приходящую из М<осквы> корреспонденцию; но ответа не имею. Не откажите в любезности – если Крицкий в Чкалове передать ему это и что последние письма от Тани Красиной были от 5 и 6/ XI – 41. Она сообщала, что все здоровы; адрес Лёни – Горький, 7, ул. Свердлова, 39 (Театр народного творчества, оркестр). Если Серг<ея> Ник<олаевича> нет в Чкалове, очень прошу сообщить мне его адрес. Ещё раз простите!

С уважением, А. Смирнов.

3.

Рис. 4. Зинаида Сергеевна Николаевская (слева) с подругами.

Фото из архива Самарского литературного музея
Fig. 4. Zinaida S. Nikolayevskaya. A photo from the Samara Literary Museum's Archive

А. А. Смирнов – З. С. Николаевской. 11 февраля 1942 года. Тускло-матовый день. Чувствуем: мороз отступает перед Сретеньем (15/II). Жестокое давно отошли (до 51 по Ц); средние ежедневно. Сегодня – сразу – мягче. Всюду сугробы грязного снега. Будет сильное таянье. Говорят, для хлебов хорошо.

Зиночек, дружок мой родной! Деду очень приятно, что письмо его дало хорошее впечатление. Как же ему не быть «ласковым», когда дедушка тебя

любит всем сердцем – не только как единственную дочку драгоценного первенца – мамы Маруси (представь: она родилась толстенькая, кругленькая, курносенькая, и бабушка звала ее «шушка» (бархатный шарик из синели – по объяснению бабушки), но и лично – индивидуально – тебя, дружочек, «в общем и целом», и со стороны утонченной организованности индивидуальной, в частности. С тобой легко говорить о всяких «материях»,

и хочется слышать твоё продуманное мнение... всегда самостоятельное. Мне очень родственна также твоё жажда знания и – энергия. «Нигде не бывает – весь день в работе...». Да разве это плохо? Это хорошо; это – долг честной гражданки. А если работа даёт удовлетворение, то это тоже – счастье. Это даёт смысл жизни, и не в нём ли награда? Большинство ждёт счастья в какой-то конкретной форме, вроде большого вкусного пряника. А пряник – если и достаётся, – не удерживается в руках, крошится, исчезает, оставляя досадный осадок. Ещё Дж. Ст. Милль сказал, что счастье – миг сознания: – я счастлив! – приходит не слышно, не заметно – в процессе работы, особенно, если в ней есть элемент творчества, и единственный способ удержать «счастье» – не прерывать надолго этого процесса.

А вот читать «нечего» и «негде» – плохо. Неужели, Зиночек, нет в Ташкенте книг интересных? Я удачлив – люблю книги и они всегда идут ко мне. А в чтении – по выбору, в общении с талантливым автором, особенно – созвучном читателю, в расширении его духовного горизонта, в процессе узнавания – тоже творческое начало, и, следовательно, – непреходящая, тихая и глубокая радость-счастье, никогда не изменяющее. Самые счастливые минуты мои – были и теперь есть: за книгой. У меня масса моих непрочитанных или полузабытых книг. В доме народных судов, где наша юридическая консультация, – библиотека обкома нашего Союза – до трёх тысяч книг, и всё хороших. Я уже брал: Виноградова «Чёрный консул», Писемского, Теккеря (очень люблю его), прочёл (в 2-3 раза) «Сентиментальное путешествие» Стерна (легковесное, но остроумное произведение половины 18 века – прихотливый гротеск – смесь «чувствительности» с «галантностью», постоянных поучений (Стерн – священник) – со скабрёзностью и описанием почти шалопайских приключений.

Теперь взял Дидро том, где «Племянник Рамо», знаменитый диалог. Но он в меня не лезет. Выдыхаюсь, и после Стерна – тяжело.

Посмотри кругом – наверное, есть там библиотека. Негде читать? В одной комнатке? Понятно. Но я выработал с детства для этой цели состояние внутренней экстерриториальности. Читаю где угодно – на трамвае, в очереди, в шуме и суете. И ты следуй примеру дедушки.

Ты сожалеешь, что я на работе. Но какая это «работа»? Её так мало (выступления, подготовка к ним), что её можно спрессовать – в один уплотнённый день. А я устаю (!) – от этого ничем не заполненного сиденья в консультации, где дежурство один раз в месяц, ордер на выступление – 1 раз в неделю. Остальное: все сидят и ждут маленький завтрак, чай с кипятком; сходят вниз – получить хлеб (к счастью, у нас открылся хлебный ларек), беседуют друг с другом, играют в шахматы, читают и т. п. И это безделье, лишённое смысла, меня часам к 3–4 утомляет и досадует, и я стремлюсь в свою щёлку, к книгам, рукописям, архиву, но... уже утомлен.

Хочу встряхнуться – пойти в филармонию. Вчера там: Д. Ойстрах, Гилельс, оркестр Большого Театра. Обещают достать дешёвый билет: дня 4 тому назад имел свидание с Алексеем Николаевичем Толстым. Представь – он помнит меня: принял хорошо – был прост, мил, разговорчив, и рассказывал интересное. Он (и Михоэлс) по делам комиссии о присуждении Сталинских премий. Я доволен, что поддержал старинное знакомство. Весну он в Ташкенте. Затем в Москве. Окончил «Хождение по мукам», приступил к 3-й части «Петра» и написал трагедию «Иоанн Грозный» (в психологическом разрезе), отданную в Малый Театр.

Обнимаю тебя, дружок. Будь добра и верь в хорошее будущее. Сергею Митрофановичу кланяюсь. Любящий дедушка и приятель.

Рис. 5. Мария Александровна Николаевская.
Фото из архива Самарского литературного музея
Fig. 5. Maria A. Nikolayevskaya. A photo from
the Samara Literary Museum's Archive

А. А. Смирнов – М. С. Николаевской. 21–24 мая 1942 года. 21/V. Поздно вечером. Сегодня, дорогая Марусечка, придя из нашей консультации (против памятника, дом Народных Судов) нашёл твою посылку и крайне неразборчивую записку лиц, доставивших её. Досадно – трудно разобрать адрес их – придётся завтра (22/V), когда товарищ уезжает в Москву, разыскивать их – как будто в 3-м воен<ном> городке – проезд Масленникова, корпус 31, квартира 17. Ты не написала имени, отчества и фамилии лица, любезно взявшегося доставить посылочку. Всё же завтра надеюсь разыскать, – очень хотелось бы, чтобы кроме письма взяли хотя бы половину купленного кофе (в жареных зёрнах), то есть тебе – 1 кило и Лёле 1 кило (куплено каждой по 2 кило). О «деньгах за кофе» не могли думать, это ничтожный презент, – «капля в море задолженности» моей в ответ за ваше внимание ко мне в Москве...

Когда же я увижу вас?! Я так соскучился по вас, живя здесь. Так отвык от города, где прожил почти всю жизнь, и так он стал чужд мне, дыша на меня, большей частью, тяжёлыми воспоминаниями. Мысль остаться здесь до конца дней прямо страшит меня. На днях один московский адвокат, эвакуированный сюда и рвущийся обратно (как все

4.

эвакуированные), взволновал меня сообщением (получил письмо из Москвы), что будто бы в виду недостатка в адвокатах в Москве и трудности эвакуированным получить разрешение на выезд из места эвакуации и въезд в Москву, получить билет и прочее, Президиум моей городской коллегии адвокатов вошёл с ходатайством в наркомат юстиции (НКЮ) – чтобы он, через своих уполномоченных на местах (здесь имеется такое, и в его Управлении служит мой Серёжа), вызвал в Москву сто человек, и у меня явилось страстное желание вернуться, мечта о таком вызове... а без него отсюда нельзя выехать. Между тем, говорят, что многие уезжают – вероятно, именно в таком порядке. Тяга в Москву сильная. И вот на днях я посылаю написанное уже «послание» моё к Лёле и тебе по этому поводу (думаю, что удобнее послать его заказным, чтобы не обременять товарища комиссией) с просьбой позондировать почву через одного влиятельного члена Президиума, меня несколько знающего (приложу к нему письмо).

Посылочка дошла в полной сохранности. Всё нужно, особенно – носки, нитки (мои близки к концу), мыло, но мне прямо совестно – за мыло, за чай – его я не просил и не следовало себя обездоливать. Я писал, что чай ещё есть, а пью я с Серёжей кофе (конечно, без молока), которого сделал значительный запас. Если ещё будет оказия, узнайте, продаются ли в Москве ножички для безопасной бритвы (самые лучшие – «экстра», и, если есть, купите – из денег – 200 рублей, посланных Тане. Тебе же и Лёле посылаю переводом по 200 рублей на огородные семена и т. п. Ведь это так важно! У нас картофель на рынке 40–50 рублей, молоко – около 40–45 рублей. Уже выслано 400 рублей на твоё имя.

Я пишу вам, что мы получаем по карточкам – хлеб 400 грамм, масло и сахар – по 300, талоны – крупа, макароны, мясо, рыба – не отовариваются уже полгода. Всё же живём неплохо, здоровы. Я начал прикупать на рынке картофель, купил лук (80 рублей кило), варю «суп» себе и Серёже. Он ещё ходит в столовую, а я беру из неё, сберегая жиры и крупу, только компот или чай: сладкие. Остальное брать невыгодно, надо опустошить карточку. Прикупаю и хлеб. Привет Сергею Ивановичу. Ваш отец и дедушка.

Зарабатываю я здесь достаточно. Из сберегательной кассы не беру. Что у вас снова удобства – рад. У нас тоже затеяли огород – ужасная даль – за Барбашиной поляной, но я не способен принять в нём участие. Крепко-крепко целую тебя, Марусечка родная! Храни тебя и всех, любимых мною, Господь.

22/V – 42. Одновременно (вчера) с получением посылки и письма в ней от 29/III – 42 пришло твоё

письмо по почте – от 12/V – 42, что было очень кстати. Передай Лёлочке и Тане мою глубокую благодарность и прими её от меня за ваши хлопоты обо мне. Спасибо за всё, в том числе – за весьма нужное лекарство – калыцет (здесь ничего нет такого) и за мыльный порошок, и за розетку штепселя – я предполагаю разыскивать плитку, и за нитки (остро необходимые), и за мыло – хозяйственное и личное, и за носки и прочее. Теперь очень надо бы разве только ножички для безопасной бритвы (нет ли «экстра», или какие будут, а то неприятно ходить небритым ежедневно, как я привык).

Письмо к тебе и Лёле, о котором писал, не отправляю сегодня: надо написать ещё Николаю Николаевичу Миловидову, члену и ответственному секретарю президиума Московской городской коллегии адвокатов, который, если захочет, может сильно помочь мне. Вы же с Лёлей келейно обсудите

вопрос о моём возвращении по существу – вам виднее. Знаю, что для данного момента имеются «но». Однако с течением времени будет ещё труднее вернуться в лоно московской адвокатуры. Когда вся масса выбывших из Москвы начнёт ломиться в узкие ворота.

Здесь чисто летняя погода – на солнце жарко. А как надобно бы дождя! Волга, вся налитая до краёв, могучие голоса пароходов – всё очень радует, так это прекрасно! Деревья одеваются... хотя ждут дождя... Пока у нас тишь-гладь...

24/V. Вчера был дождик. Поехать разыскать товарища Левину не удалось. 22 и 23 мая был безотлучно занят в судах – такая досада! Вчера Наташа писала, что ты больна радикулитом. Грустно... Что это такое и чем лечить? 400 рублей перевёл на твоё имя 22/V. Пиши – беспокоюсь. Целую ещё раз. Твой папа.

5.

А. А. Смирнов – М. А. Николаевской. 19 июля 1942 года. Дорогая Марусечка! Давно от тебя ничего не имею. Напиши, как твоё здоровье, и – Сергея Митрофановича (кланяюсь ему): бываете на даче, что посадили и прочее, – мне всякая даже мелочь интересна. Вернулись ли соседи? Работает ли газ? Вода? Есть ли в Москве коммерческие магазины? Беженцы, живущие у Александры Ивановны Смагиной (ты, кажется, знаешь её?) уверяли, что коммерческие магазины в Москве давно. Имеется ли кооператив (продовольственный магазин) в Валентиновке? Ходят ли аккуратно поезда дачные?

Зина иногда пишет мне, жалуясь на скуку и т. п. ташкентской жизни. Я понимаю её, она не жила одна и всегда была у такой мамы, как ты, под крылышком. Но, с другой стороны, время-то какое! И такие ли бывают тяжёлые положения теперь! Насколько умею, я всегда успокаиваю её, ссылаясь, что времена переменчивые; что в часы свободные надо занимать себя чтением, чтобы «не думалось», – как делаю я...

А мне ведь здесь тоже невесело. С Сергеем Александровичем не разговоришься. Он по-прежнему со мной (и ни с кем) не говорит, предпочитая разговаривать с какими-то призраками далёкого прошлого, иногда – очень оживлённо; и я рад, когда он берёт книгу (чаще всего том какой-нибудь «Энциклопедического словаря»). Только моя привычка к чудачеству его и собственная самоуглублённость помогают равнодушно слушать его бормотание и возгласы, а свежий человек сбежал бы. Удивительный человек. Лет тридцать тому назад какая-то сильная психическая травма погрузила его

в состояние, близкое к лунатическому сну, который то сполна овладевает им, то подводит к тонкой черте – бодрствования. Его только «разбудишь» всегда – «растолкаешь», – и он вполне нормальный, милый человек.

Теперь в моём хозяйстве большая новость. Я, да и Сергей Александрович, измучились последние месяцы вознёю с примусом, который никто не хочет чистить, и с керосином. В июле совсем прекратили продажу керосина. И вот не менее четырёх месяцев я употреблял все меры, выбивался из сил в бесконечных хождениях, в хлопотах, просьбах и т. п., чтобы любой ценой достать электроплитку и всё необходимое к ней (в нашей комнате нет штепселя, надо его устраивать, а для этого нужны шнур, вилка, контакты и прочее, и прочее – и помощь электротехника. Ряд месяцев ничего не удавалось. На Цыганском базаре бывали плитки, да сомнительного качества. Заплатить 300–400 рублей и бросить её, как бывало с купившими? Хотелось бы исправную и сильную (негодную уже мне всучивали). И вот в день моего рождения 17/VII «новорожденный» был обрадован: электроплитка вступила в эксплуатацию... Два добрых человека помогли мне в этом деле – совершенно бескорыстно. Расход – по государственным ценам (а не по базарным): «корпус» и «керосинка» – 56 рублей, «спираль» лучшего качества – 35 рублей, шнур и всё прочее – подарок соседа (по комнате). Пока работает превосходно. Ровно через минуту – полностью накал.

Целую тебя нежно, любимая дочка. Напиши поскорее. Твой отец.

Рис. 6. Елизавета Александровна Красина.
Фото из архива Самарского литературного музея
Fig. 6. Elizaveta A. Krasina. A photo from the Samara
Literary Museum's Archive

А. А. Смирнов – Е. А. Красиной. 12 декабря 1942 года. Юр<идическая> конс<ультация>, дежурство. Дорогие мои Лёлочка, Таня, Наташа, т. Маруся. Вы удивляетесь, почему я не пишу? Хвораю... С половины ноября. Ранее чувствовал себя хорошо, работал, ходил и вдруг словно надорвался. Было это в результате поездки за город. А в общем, очевидно, ряд причин: без жиров, белков, витаминов, переутомление, возраст и простуда.

У нас лютая зима началась необыкновенно рано – 7 ноября (демонстрация) – ледяным ураганом со снегом и метелью, – так и теперь – снег, снеговая морозь, пронизывающий ветер. И вот я продолжаю работать и целый день хожу – в аптеку, к доктору (в одной аптеке по знакомству мне всё дают), в столовую гостиницы «Националь», обед очень «лёгкий», но дают 200 грамм хлеба и талонов из продовольственной карточки не срезают, и я отовариваю их в гастрономе № 3 (дом Подбельского). Хожу также в трибунал НКВД¹ (над магазином

¹ НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР, Наркомвнудел), центральный орган государственного управления Союза Советских Социалистических Республик по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка, в 1934–1943 гг. (с перерывом с 3 февраля по 20 июля 1941 г.) – также и по обеспечению государственной безопасности страны.

6.

Покидышева) и много раз по лестницам Дома народных судов, где я выступаю. В дальние суды меня давно не посылают.

Ещё доктор Кривошеин (очень хороший доктор, был у него на дому) говорил, что хорошо бы в больницу, но... везде холод... Тоже и Болтунов. Впрочем, хотел поговорить с Кавецким (сыном), имеющим вес в клиническом госпитале. Тепло ли там? И можно ли положить? Если холодно, то всё же у меня дома теплее. Соседи почти ежедневно подтапливают. И что я буду в больнице? Лежать один, в тоскливых думах? Навещать меня некому. Серёжа? Разве только в выходной день. Здесь я точно понял, что значит круглое одиночество. Серёжа с 9 до 7 часов вечера на работе. Ноги перестали быстро носить меня. Сначала думали – отёк ног от сердца, теперь – от почек. Лестницы трудны. Словом, наконец, настоящий столетний дедушка, постоянный клиент двух поликлиник: первой, где Алексей Ираклиевич Болтунов, и второй, к которой я территориально приписан. Алексей Ираклиевич оказывает мне всяческое содействие: даёт рецепты и прочее. Очень ему не понравился мой анализ. Ничего определённого мне не сказал, как и чем лечить. Общие фразы – тепло, диета...

Вы удивитесь, как такой – работает. Бродит по улицам и т. п. А что же мне делать? Я мог бы получить бюллетень и засесть дома. Что бы я стал кушать? Кто бы мне что-либо принёс и в чём-либо помог? Я бы сидел-лежал. При бюллетенях нельзя ходить по городу, а если б разрешили, то получилось бы то же самое. Но я подаю сегодня заявление в президиум наш – об отпуске по болезни. Есть заключение врачебного комитета. Надеюсь, что мне дадут на один месяц, а может быть – и безвозвратное денежное пособие на улучшенное питание. В последнее время и питаюсь не так-то плохо. У меня есть топлёное масло, картофель, крупа и т. п. При отпуске я буду иметь отдых от выступлений в судах и менее мотаться. Я сильно изменился со времени болезни, но духом бодр, и работа, хлопоты по делам не дают мне киснуть в дурных мыслях о будущем, бодрят меня. Мне кажется, что я на фронте, где не теряют духа и ежеминутно готовы ко всему. Так и вы думайте, все мои любимые, об этом невесёлом послании, которое я день со дня откладывал. Будет то, что судил Бог. Я принимаю посланное, как возмездие за то, что я покинул вас. Не огорчайтесь ради Бога! Отнеситесь спокойно. Масса эвакуированных жителей здешних и московских в положении не лучшем, а даже худшем. Мой вчерашний клиент, сорока лет, с язвой желудка и воспалением почек. От Миши Шульмана, адвоката, осталась

одна тень. Показывал справку ВТЭК²: туберкулёз лёгких и сердца, кардиосклероз и ещё три каких-то болезни, продолжает работать...

Не могу примириться со смертью Иточки – ангельской души, моего друга и – благодетельницы. Вспоминаю бесконечно добрую Танечку...

Пишите мне почаще. А то я не представляю, как живёте. Мне тоже мерещатся ваши болезни и трудности. Одно отсутствие отопления – ужасно. Храни вас Господи! Молюсь за вас перед сном и утром. Обнимаю вас. Привет всем – Николаю Андреевичу, Лене, Сергею Ивановичу, Сергею Митрофановичу. Ваш любящий дедушка.

Танюша! Как твой пальчик? Пиши мне.

Ещё о себе. Неоднократно мерил температуру: всё 36,8. Почки дают знать о себе болезненными ощущениями – при некоторых поворотах тела, например, встать и лечь без них трудно. Сначала были в пояснице, теперь идут вверх... дают мне Adonis Vernabis? Ежедневно пью витамины – 2–3 раза по чайной ложечке. Сердце стало лучше. Почки нет – сужу по распространению болей и опухолей, идущих вверх. Сплю, положив ноги на чемоданчик. И ноги похудели, но за счёт живота.

Мне хочется вам послать – Лёлиной и Марусиной семье – по кило кофе. Напишу Анне Константиновне Кибардиной – она добрая, чтобы пришла или прислала

свою милую дочку ко мне за кофе (её адрес – Садовая, 97, квартира 1, во дворе). И если оказия состоится – к вам и обратно, пришлите мне: 1) ножички для бритья (Лёлочка писала) и какие-нибудь стар<ые> тёплые перчатки (ведь нас обокрали домашние воры – у Сергея новые брюки, что я послал ему из Москвы, у меня – из кармана меховой куртки, висевшей возле меня – меховые рукавицы, твой, Лёлочка, подарок (как я им дорожил!), и ещё ряд вещей. 2) Нельзя ли соорудить из ваты и бумажной материи подобие утраченных? Рука у меня маленькая. 3) Лоскутков разных – для починки, мешочков. 4) Если есть немного чёрных ниток. 5) Иголку с простым ушком. 6) Тёплые трикотажные кальсоны жёлтые, старенькие, чинёные, тёплые – были в моём белье. 7) Брюки старые, бумажные, серые в полоску – какие получше (их было две штуки)...

Очень меня радуют наши победы – восхищаюсь героизмом Красной Армии и забываю хворь. Времени мало читать, но читаю с отрывками «Воспоминания» Аксакова (чудесно), Мопассана, Теккерея «Ярмарку тщеславия». Очень интересна только что вышедшая книжка Гиляровского «Люди театра», и – конечно – ежедневно газеты. Ещё раз прижимаю любимых к сердцу, которое если ещё бьётся, то только ради вас. Дедушка. Серёжа кланяется.

7.

Рис. 7. Телеграмма С. А. Смирнова Е. А. Красиной.
Из архива Самарского литературного музея

Fig. 7. S. A. Smirnov's telegram to E. A. Krasinoy. A picture from the Samara Literary Museum's Archive

С. А. Смирнов – Е. А. Красиной. 6 января 1943 г., Куйбышев. Москва, Вторая Тверская-Ямская, 48, кв<артира> 5. Ночь второе умер папа больнице. Смирнов.

² ВТЭК – Врачебно-трудовая экспертная комиссия.